

В «Олимпийском» выступила Бьорк

Дышите!

В Москве дала единственный концерт исландская певица Бьорк. Мы имели все шансы услышать ее два года назад в Большом театре, но доехала она только сейчас, в рамках тура, посвященного раскрутке сборника «greatest hits». Вероятно, на театральной сцене Бьорк выглядит особенно хорошо, но и стадионная программа оказалась недурна.

Алексей МУНИПОВ

Хотя бы потому, что на разогреве у Бьорк была дама, которую в стенах Большого театра представить решительно невозможно. Канадская террористка Peaches уже несколько лет на самых разных площадках представляет свой веселый лесбийский моноспектакль с переодеваниями и матом под грубый и нахальный синтезаторный ритм: довольно неожиданное вступление к сказочным увертюрам Бьорк, особенно шокировавшее тех, кто не был на московском концерте Peaches в Б2. Успевшая выйти в образе Супермена, Мэрилина Мэнсона и Фрэдди Мэркьюри, Peaches, наконец, уступила место Бьорк, которая подхватила инициативу, ненадолго перевоплотившись в триеровскую Сельму и исполнив известную композицию с саундтрека «Танцующей в темноте» — «I've seen it all». Вслед за этим на зал покатали волны знакомого звука — вещи с альбомов Debut и «Post», а в особенности «Homogenic» и «Vespertine».

К этому времени выяснилось главное разочарование вечера: экранов концерт не предусматривал. Пару раз открывалась белая простыня позади сцены с показом специально сделанных видеоклипов, но и только. Так что рассмотреть театр мимики и жеста п/у Бьорк смогли только люди с острым зрением,

счастливы, пробившиеся в первые ряды танцевального партера, и те, кто благоразумно озаботился приобретением биноклей. Между тем ее гримасы, улыбки и особое зверино-детское выражение лица есть то единственное, за чем на концертах Бьорк можно и нужно следить не отрываясь: видевишие хотя бы один ее видеоклип знают, что крупным планом лица этой исландской девушки можно заполнить сколь угодно долгий ролик, и скучно не будет. А так — при известном старании — можно было разглядеть лишь какие-то странные штуки из синих перьев на ее ушах, смешного покроя платье и внушительные сапоги, которые она, впрочем, очень быстро сбросила, дабы весело прыгать босиком.

Также можно было разглядеть и музыкантов, участвующих в концерте: электронный дуэт Matmos, Исландский струнный октет и арфистку Зину Паркинс. Сотканные ими концертные аранжировки удивительно точно соответствовали формуле, которой Бьорк когда-то описывала свое творчество в интервью журналу «Птюч». «Скрипки пробуждают теплые чувства, они значат для музыки то же, что нервная система для человеческого организма. Компьютерный ритм напоминает биение сердца и непрерывно стимулирует дальнейшее движение и жизнь всей музыкальной постройки. И, нако-

НАДЕЖДА ЛЕБЕДЕВА

На сцену «Олимпийского» Бьорк вышла в странных синих перьях на ушах

нец, голос оказывается праздничком встречи этих двух элементов. Он как кислород». Под напряженное скрипичное покачивание, под умеренные толчки микроэлектроники и взволнованный стук маленького исландского сердца и прошли эти полтора часа, наполненные тем особым сортом магии, который вызревает лишь на альбомах исполнителей, живущих к северу от Европы. Иногда голос Бьорк подкреплялся довольно резким компьютерным визгом; иногда, напротив, стихали и Matmos, и октет, и оставался только тихий перебор арфы; изредка

включался экран, куда проецировались соответствующие текущему моменту красоты: падающие звезды, плывущие рыбы и хитро глядящие эскимосы. В кульминационные же моменты темная площадка «Олимпийского» освещалась длинным рядом гигантских газовых факелов, вспыхивающих в строгой гармонии с заданным ритмом. И казалось, что это горит не газ, а тот самый, нужный нам всем кислород мерцающего исландского голоса; кислород, которым дышал многотысячный зал «Олимпийского» и никак не мог насыщаться.